

Юрий МАКАРОВ

Проснись и пой, или Художественная самодеятельность

По рассказам очевидцев, в первые годы новая эмиграция отъедалась. Обреченные называться русскими, вырвавшиеся из Союза евреи гуляли с русским же неистовством. Ночи с пятницы на субботу и с субботы на воскресенье было положено проводить исключительно в русских кабаках с обязательной подачей бесплатной яичницы в пять часов утра. Рестораны было принято "закрывать", то есть уходить последними. Пили и ели беззаветно, по-купечески. Необходимых для такого угара медведей и цыган назначили из своих. Диких животных я, правда, не застал, но одна милая еврейская пара и сегодня успешно приторговывает цыганской удалю на местных вечеринках.

Те реки водки и горы жирной жратвы не прошли даром, и через несколько лет практически вся новая эмигрантская волна подверглась массовому удалению желчного пузыря, что само по себе слегка успокаивает. Отдав здоровье Хлебу, эмигрантская публика с тем же буйным энтузиазмом возжелала Зрелищ. Свои кабацкие исполнители поднадоели, да к тому же напоминали о безвременном ушедшем желчном пузыре, поэтому захотелось чего-то заграничного. Заграницей преимущественно мыслилась Россия.

Законы проклятого капитализма действуют безукоризненно, спрос тут же родил предложение. Возможно, именно в ответ на ностальгическую тягу брайтонского общества к российской культуре, возникшую в основном в связи с упомянутой хирургической операцией, в СССР случились Перестройка с гласностью. Калитка приоткрылась, и в образовавшуюся щель буквально хлынула культура, которую уже никто не мог терпеть дома. Все эти Первые Леди и Королевы российской эстрады вместе с их Непревзойденными Королями и Неподражаемыми Принцами, на ходу теряя короны и обрывая подметки, всей своей монархической гурьбой ринулись окучивать Русскую Америку.

Неудержим русский человек! Даже если он и не русский. Самозваные "королевские" та-

ланты и их местные поклонники уже не могли тешить друг друга в полутемных кабаках.

Гульба переместилась, и куда! Мэдисон-Сквер Гарден и Эвери Фишер-Холл, Радио Сити Мюзик-Холл и Карнеги-Холл — названия, от которых подкашиваются колени у настоящих гениев мирового музыкального искусства, — принимали теперь любимцев российских братков. Держись, Америка! Получай искусство, мать твою... Вчера Лучано Паваротти, первый ряд, семьдесят пять долларов... Сегодня Пипа Пупина, третий ряд, сто восемьдесят баксов. Знай наших!

Но и этим дело не закончилось. Не удовлетворившись искусством из зала, в поисках истинного катарсиса эмиграция ринулась на подмостки сама. Люди, еще вчера занимавшие места в первых рядах на концертах "первых ледей России", вдруг сами заголосили в микрофоны. Особенно отличились почему-то медицинские работники. Если вы пришли в русский ресторан и там присутствует хоть один врач, знайте: рано или поздно он выйдет на эстраду, отберет микрофон у солиста оркестра и будет петь хоть до утра. Причем похоже, что у врачей дело тут вовсе не в слухе и голосе, а в каком-то неведомом нам, пациентам, принципе: хоть умри, а пой...

— Вова, ты зачем поешь на всех именинах? — осторожно спрашиваю я у своего лучшего друга, чудесного стоматолога, вынужденного чуть не каждую субботу сочинять новую песню очередному юбиляру. — Тебя же люди уважают, а ты вдруг... поешь.

— Так надо, — мрачно отвечает Вова. — Ты не понимаешь, они привыкли, что я всем пою, если я им не спою, они же обидятся.

— Или обрадуются, — добавляю я, но уже мысленно, потому что люблю моего друга. Он же не виноват, что он врач.

Страсть русскоязычных врачей-эмигрантов к эстраднему пению — это, несомненно, тема серьезного научного исследования, скорее всего, с точки зрения психиатрической науки. Но до этого руки пока не дошли, хотя бы потому, что самый уважаемый в русской общине

психотерапевт Шура Пересорт сам сначала рванул в Голливуд записывать на свои деньги видеоклип, где он распевает зачем-то в сомбреро, окруженный легкоодетыми девицами, а затем и вовсе плюнул на брайтонских пациентов и отправился на длительные певческие гастроли в российскую глубинку. (Что, заметим по ходу, неплохая месть России за Пипу Пупину и ее поющих друганов.)

Постепенно из зала на сцену потянулись и состоятельные пациенты непрерывно поющих врачей: юристы, владельцы магазинов, ресторанов, а также люди без определенных занятий, но явно при деньгах. Расширилось жанровое и репертуарное разнообразие самонадеянных артистов. К эстраднему вокалу добавились декламация, танец, искусство киноповествования. Страстного желания быть на подмостках как можно дольше оставалось в избытке, но уже не хватало определенных навыков. Ведь большинство из участников этой эмигрантской художественной самодеятельности не имели не только слуха и голоса. Многие также не умели говорить, двигаться, а некоторые — читать и писать. Таким образом, появилась насущная необходимость в наемной силе. Непристойная в Америке творческая интеллигенция вдруг нашла себе давно забытое применение: по специальности!

Свадьба, юбилей, годовщина, трехлетие внука — любое семейное событие стало превращаться в мощное театрализованное представление в двух-трех отделениях, с привлечением авторов, режиссеров, киносъемочных групп. Отношения творческой братии с жадующими сценической славы работодателями складываются, как и водится, враждебные. Магазины не понимают, почему за написание песни или сценария юбилея надо платить, как за какую-то настоящую работу. Творцы, в свою очередь, обижаются на жадность, недооценку таланта и цензурские замашки.

Мой друг, литератор с 6-го Брайтона Адик Канецкий, рождая в муках сценарий серебря-

ной свадьбы владельца магазина оптики Шромера, жалуется:

— Ты понимаешь, блин, он сам нанимает себе писателей и артистов сочинять, что именно умное он будет произносить. Нанял? Хорошо! Но нет, потом он долго и нудно поучает нас, профессионалов, как именно он и его мырма-жена должны говорить и петь. "Я не люблю высокопарно. Что это тут у вас за рифма: "как птица"... Поменяйте на "напиться". И вообще, у вас здесь много сатиры. Дайте вместо этого больше юмора", — тут Адик изобразил Шромера и презрительно сплюнул. — Ты понял? Узнаешь тексты? Сам, блин, продает очки ворованные бухарцам, а чешет не хуже агитпропа. Я понимаю так: знаешь сам, как надо — пиши и пой сам, сука. Не знаешь, не умеешь, глуп — плати и молчи. Или — напивайся на своей собачьей свадьбе по старинке, без театра. Очешник сраный... Правильно?

— Неправильно, — отвечаю я.

— Почему неправильно? — удивляется литератор.

— Грубо, — говорю я. — Грубо после первой говорит такие длинные тосты. Наливай...

— Хорошо, — вздыхает Адик. — Давай еще по одной... Больше не могу. У меня через час съемки в Манхэттене.

— "Сладкую жизнь" снимаешь? — спрашиваю я.

— А ты как догадался? — Адик делает круглые глаза. — Кондитерскую "Белочка" на Ошен авеню знаешь? Внучка у него родилась, так они, блин, Плазу закрыли. А внучку — угайдай, как называли?

— Белочка, — говорю я и наливаю сам.

Жертвы собственного резюме

Почему-то каждому эмигранту кажется, что в той, прежней, доамериканской жизни он был чуть выше, чуть значительнее и чуть влиятельнее, чем это было на самом деле. Наверное, поэтому в эмиграции и встречаешь такое количество главных врачей и главных инженеров. Ну прямо-таки сплошные главные гуляют по Брайтону, никого рядового. Всё сплошь генеральные директора, Народные артисты и выдающиеся деятели. Создается впечатление, что вся верхушка советской науки, культуры, промышленности и всего остального разом слиняла из Союза, что и послужило толчком для крушения империи. (Заметим в скобках, что на самом-то деле страна развалилась вовсе не потому, что начальники уехали, а именно потому, что они остались.)

Отчего же наши люди, мягко говоря, слегка преувеличивают свои былые достижения? Что, они уж такие особенные хвастуны? Нисколько! Я думаю, виною всему американская привычка составлять о себе так называемое резюме, что-то среднее между нашей родной анкетой и автобиографией. Без резюме в Америке — никуда. Даже устраивающийся грузчиком в супермаркет американец должен наклепать на себя резюме со сведениями об образовании, предыдущих работах, привычках и склонностях, с обязательным, как бы вскользь, упоминанием, что соискатель места искренне увлечен именно переноской коробок с продуктами и иной судьбы для себя не мыслит.

Составлению резюме американцев учат с детства. Наши же эмигранты постигают эту науку в зрелом возрасте на разных благотворительных курсах по шаблонным образцам вместе с азами английского языка.

Резюме должно быть написано так, чтобы после его прочтения работодатель с восторгом понял, что к нему пришел работник, о котором он мечтал всю жизнь. В письме-преамбуле, обычно сопровождающем резюме, скромный претендент на должность, ска-

жем, помощника бухгалтера пишет сам о себе примерно так:

"Выдающиеся арифметические способности дают мне право быть уверенным, что я наилучшая кандидатура на эту вакансию. Острый ум, безукоризненные манеры и кристальная честность в сочетании с врожденным прилежанием позволяют мне в кратчайший срок стать лучшим работником офиса, любимцем хозяев и клиентов, примером для подражания со стороны коллег. Любовь к постоянному подсчету, сохранению и приумножению чужих денег стала моей страстью и предназначением. По субботам пою в церковном хоре".

В свое время много ли было у нас возможностей приврать о себе в той же анкете с автобиографией? Да никаких. Ведь эти бумаги шли прямым ходом в первый отдел. Кто ж себе враг, чтоб связываться с "конторой"? Она про тебя и без твоих анкет знает больше тебя самого...

И вот теперь — главное: в Америке никто эти самые резюме не проверяет. Как-то вовремя не завели здесь первых отделов, и все пошло на самотек, то есть предполагается, что в резюме пишется чистая правда. А особенно никому в голову не придет проверять данные о прошлой жизни русского американца где-нибудь в Пескоструйске. Откуда им знать, на какой именно улице стояла Пескоструйская высшая академия наук, где наш человек работал академиком по ремонту компьютеров, как и отражено в его резюме на чисто английском языке.

Помнитесь, в одном старом анекдоте жлоб-картежник рассказывает, как он играл в поезде в очко с интеллигентом и выиграл большую сумму:

"Он говорит:

— У меня девятнадцать.

У меня, блин, перебор, но я ему вру:

— А у меня двадцать! Предъявить?

Он говорит:

— Зачем же предъявлять, я вам и так верю. Сдавайте дальше.

И тут мне ка-а-к поперло!.."

Конечно, поперет, если ничего предъявлять не надо!

— Сильно брехать не стоит, — учил меня бывалый эмигрант Сеня Питерский. — Пиши практически правду. Где, когда, что. Но подправить слегка нужно обязательно, иначе эти лохи (так Сеня называет коренных жителей) просто с тобой разговаривать не будут.

Сеня дело знает. Пока писал в резюме, что был в Ленинграде таксистом, никак не мог устроиться. А как только вставил строку, что якобы преподавал в автошколе, тут же был взят профессором в нью-йоркский Таксиколледж (ей-богу, есть тут такой) со всеми полагающимися льготами и бенефитами.

— Ничего тут такого нет, — ухмыляется Сеня, почесывая за ухом любимую болонку Жулю. — Откуда им знать, кем мы там были? Моя Жулька, например, в Союзе была сенбернардом...

Самое любопытное, что, приписав себе что-то приятное в резюме, автор вдруг сам начинает в это самое резюме верить. Напускает на себя значительность. Переоценивает возможности. Та же, например, вконец обнаглевшая в Штатах болонка Жулька может накинуться с воем хоть на автобус.

Вот и превращается в резюме наш человек, едва окончивший пищевой техникум в Смердянке, в старшего преподавателя этого уважаемого заведения. Интересно, что реальный старший преподаватель того же техникума, перебравшись в Айову, пишет в резюме, что был деканом. А самого бывшего декана теперь знают в Кливленде не иначе как ректора, и уже не пищевого техникума, а Смердянского университета еды. Представляете, если они все вдруг встретятся в одном месте?

А ведь такие интересные встречи бывают! К примеру, клавишник оркестра из ресторана "Бухарский парадиз" Рома Шмальц клялся, что был до отъезда художественным руководителем Ташкентского государственного симфонического оркестра и, разу-

меется, Народным артистом братского Узбекистана. И вот как-то подходит к бухарским оркестрантам в редкую минуту отдыха от буханья в инструменты некая посетительница ресторана, дородная дама с небольшими черными усиками, и интересуется, не найдется ли в их уважаемом оркестре местечко для нее, Народной артистки, лауреата различных государственных и международных премий.

— А где же вы, товарищ, играли на нашей бывшей родине? — интересуется руководитель бухарцев.

И усатая дама гордо сообщает, что служила она первой скрипкой Ташкентского государственного симфонического оркестра совсем недавно, и в те же примерно годы, в которые Рома Шмальц, по его словам и резюме, успешно этим талантливым коллективом руководил. И самое интересное, что лично Рома в этот момент вовсе не бросается даме на шею с криком: "Аделаида, где же ты пропадала все эти годы!" — а, наоборот, сосредоточенно возится с какими-то проводами от своего электророяля. Больше того, и дама тоже всем своим видом не показывает, что рада встрече с человеком, с которым бок о бок пожинала славу на подмостках. Она просто как бы и не узнает своего собственного художественного руководителя.

Как только дама отошла к своему столу, взгляды оркестрантов устремились, естественно, к Роме. Тогда клавишник Шмальц, глядя куда-то в сторону, наморщил лоб и тихо, как бы про себя, но достаточно громко, чтобы все слышали, пробормотал: "Нет, лицо ее я, кажется, припоминаю..."

Кто из этих двух талантов стал жертвой веры в собственное резюме, неизвестно. Вполне возможно, что оба. Да и какое это имеет значение? Каждому человеку свойственно верить в хорошее. Даже если это самое хорошее и не совсем правда. Вот я смотрю на свое резюме, где написано, что я в Союзе был первым заместителем ответственного секретаря газеты "Известия", и думаю: "А зачем мне здесь вот эти лишние два слова — "первый заместитель"?.. Только путаница от них".